

МАКСИМ

Он появился неожиданно – из ниоткуда. Просто я вдруг встретила с ним взглядом – в его огромных бездонных глазах можно было утонуть – словно целый мир скрывался во взгляде этого десятилетнего мальчонки. Сам он был очень худой, лобастый, в обтрепанной футболочке и не по размеру больших штанах. На руках держал точно такого же худого и большеголового котенка. Оба были очень тоненькие, какие-то хрупкие, казалось что ветер вот-вот подхватит эту парочку и понесет... Над Гидропарком, над Киевом... Только глаза и у мальчика, и у котенка были очень живые: глубокие, с сильной искрой разума и живого интереса, широко открытые миру.

Мальчик заметил, что я на него смотрю.

- Простите... А у Вас случайно нету чего-нибудь для котенка? Он очень хочет есть!

Мальчик говорил робко, заранее сжавшись, явно в ожидании грубого ответа. И котенок на его руках словно стал еще меньше – прижался к груди мальчонки, и только упрямо сверкали два его огромных желтых глаза. А я тут же начала рыться в своем рюкзаке – вдруг еще что-нибудь осталось с обеда... Я брала сегодня с собой йогурт и в бутылочке еще немного осталось. Я вылила это в крышечку и на секунду задумалась – где же котенку поставить эту еду? Мы стояли в Гидропарке в лучном тире. Он представлял собой две торговые палатки, поставленных на небольшом расстоянии друг от друга – одна над щитами, другая над тем местом, где стреляют люди, лежат луки и стрелы и стоит столик со стульями. Вокруг с трех сторон все это пространство загорожено забором. Немного подумав, я решила, что лучше еду для котенка поставить под стол. Что и сделала. Мальчик с трудом уговорил животное начать есть – сначала бедняга не хотел слазить с рук ребенка – цеплялся за него когтями, упрямо прижав уши. Но голод все же переборол страх, и котенок накинулся на еду. Мальчик заботливо смотрел на своего питомца. А я смотрела на мальчика. И видела, что и он голоден. Но как назло – больше никакой еды у меня не было с собой. Хотя я бы и сама не отказалась бы чего-нибудь съесть.

- Спасибо Вам за котенка – вдруг сказал мальчик. – его никто не хотел кормить. Его утопить хотели, но прыгнул в воду и вынул его оттуда. Теперь у меня есть друг. Мы вместе живем и путешествуем.

Котенок доел и начал умываться. Потом полез чуть дальше под стол и наткнулся на полуоткрытую сумку, в которую я по вечерам складывала разобранные луки. Издав какой-то муркающий звук, звереныш залез в сумку, скрутился там калачиком, и видимо тут же заснул.

Мальчик с интересом смотрел на эту сцену. Когда котенок улегся, он сказал:

- Хорошо, что он заснул. А то ночью он так хотел есть, что не спал и мне мешал. А теперь наелся и выспится.

Мы опять помолчали. Но тут я вспомнила, что раз сейчас нет посетителей, то нужно подремонтировать стрелы – уже четыре штуки с оторванными перышками дожидались ремонта. Сев за столик я занялась этими стрелами. Мальчик сел напротив и с интересом стал следить за моими действиями. Огромные любопытные глаза ребенка следили за каждым моим действием. На второй стреле мальчик расхрабрился и стал спрашивать: а что это я делаю, а для чего, а почему именно так, а можно помочь... Я сама и не заметила, как он стал мне помогать: сдирал обрывки перьев со стрел, зачищал их, подавал мне клей, перышки... Скоро ремонт был закончен. И тут как раз пришло несколько посетителей. Я стала им объяснять как правильно держать лук, что делать с руками, как отпускать тетиву... Мальчик, широко раскрыв свои бездонные глаза, ловил каждое мое слово, следил за каждым движением. И казалось, что глаза у него светятся, как светились у котенка.

Потом я снова что-то ремонтировала, ребенок мне снова помогал... Мы почти не говорили. Было какое-то молчаливое понимание, какое-то непонятное чувство благополучия – словно так было всегда, словно так и должно быть – работа и мой молчаливый помощник...

Когда начало темнеть, и клиентов не стало (но закрываться было еще рано), я полезла на свое любимое место – вверх, на арку над туннелем. Оттуда отлично

видно тир, а кроме него – еще и большой кусок Гидропарка. Мне всегда нравилось смотреть на вечерний Гидропарк, причем именно со стороны лучного тира – здесь не было так шумно, как на центральной аллее, почти не было людей. Зато очень хорошо видно ночное небо, звезды, луну... Через пару минут мальчик залез ко мне и сел рядом. Так мы сидели вдвоем и смотрели на черно-багровое ночное небо, на бархат сине-бирюзовых туч на нем, на прожектор уже почти полной луны... Внизу еще одной яркой луной горел прожектор тира, освещающий вывеску с надписью «Стрельбище»... Что-то фантастическое было в этом пейзаже, в этой ситуации...

Я посмотрела на мальчика. И снова меня поразили его глаза – в них отражались звезды...

... Когда я отнесла сумку с луками в место, где они хранились ночью, и с помощью мальчика застегивала уже последнюю стенку палатки, он вдруг спросил меня:

- А можно я и завтра приду сюда? И буду тебе помогать?
- Конечно можно... Только... Я ж даже не спросила твоего имени...
- Меня Максим зовут. Я приду завтра! Обязательно!

* * *

Он пришел на следующий день. И на следующий. И еще на следующий. Максим приходил каждый день. И каждый день его огромные святающиеся глаза неотрывно смотрели на то, что я делала – как приводила в порядок стрелы, как делала гнезда на тетивах, приклеивала новые полочки взамен сломанных... Очень скоро Максим уже не только помогал мне зачищать стрелы перед наклейкой перьев. Он уже абсолютно самостоятельно приводил их в порядок, пока я занималась с клиентами. Кроме этого Максим даже лучше меня стал делать гнезда на тетивах, когда старые разматывались. Мальчик для этого даже придумал какую-то хитрую технологию, которую я смогла понять только год спустя уже от опытного спортсмена...

А как он искал стрелы! Стоило только какому-либо клиенту выстрелить выше щита и пробить металлическую защитную решетку, как Максим стремительно бежал в заросли за тиром и возвращался оттуда всегда со стрелой-беглянкой. Я так и не научилась настолько хорошо их искать ... Когда я спросила мальчика как он это делает, Максим мне ответил:

- А я стрелу не ищу. Я просто знаю, где она должна быть. Каждая стрела разная, каждая со своим характером... я знаю их все. Я знаю куда и от кого они полетят. Ведь разные люди стреляют. И стрелы от разных людей по-разному улетают. Я смотрю кто стрелял, смотрю какой стрелой – а потом иду за тир. И сразу понимаю где она, эта стрела.

* * *

Меня всегда поражало, что в отличие от других беспризорников, которые приходили в тир, Максим никогда не просил дать ему «пульнуть разок», хоть я и видела, КАК загораются его глаза при виде лука и при виде человека, стреляющего из лука.

Впервые я сама предложила ему выстрелить. И мальчик совсем не удивился, словно ждал этого момента. Только в глазах его разгорелась искра. Он уже столько раз слышал про то, как надо стрелять, что даже не стал дожидаться моего объяснения – надел крагу и напалечник, сразу правильно взял лук, зарядил стрелу... Дальше я все же стала пояснять что надо делать, как...Он натянул тетиву и выстрелил... Я тогда еще не была спортсменом, моя техника стрельбы была не многим выше зеленого новичка, я знала лишь азы... Но выстрел ребенка меня поразил. Я только пару раз видела, как стреляют спортсмены – и его выстрел был очень похож именно на выстрел спортсмена.

Да, сейчас, оглядываясь на те дни я могу сказать, что было очень много в выстрелах Максима несовершенного, не совсем правильного... Но в любом случае он тогда выстрелил намного правильнее, чем сама я стреляла... И так ребенок стрелял и дальше.

Иногда случались у него и ошибки, которые я даже тогда уже умела замечать – я помогала мальчику исправлять их. Иногда он отчаивался, что что-то не получается – и я ободряла его. Иногда Максим расстраивался, что не попадает так, как хочет – и я утешала его...

Очень скоро, когда не было клиентов, мы стали шутливо соревноваться между собой: кто больше стрел попадет в желтое, кто обстреляет шарик, но не собьет его... Иногда выигрывал Максим, иногда я...

Но всегда, когда этот ребенок брал в руки лук, в его глазах разгоралась искра. И с каждым днем эта искра горела все сильнее и сильнее. И скоро огонь пылал в его огромных глазах. Мальчик словно сливался с луком в единое целое, знал его характер, разговаривал с луком, со стрелами... Очень бережно относился к ним, как к своему котенку. И стрелял. Стрелял не просто, чтобы пулькать – он старался стрелять лучше, качественнее, а не просто попадать в мишень...

* * *

Шли дни, недели... И несли свое однообразие и свой ритм. Утро. Под еще закрытой палаткой сидит Максим. Открываемся, жмурясь от ледяной росы, которая стекает со стенок палатки, когда мы их подвязываем сверху. Пока я хожу за луками, Максим подметает в тире, выкидывает вчерашний мусор. Вместе собираем луки. В ожидании первого клиента завтракаем батоном и йогуртом, которые я принесла... Нежное утреннее солнце ласково греет голые озябшие коленки, щекочет щеки... Взгляд падает на собранные луки. Они зовут, манят своей стройностью, своей силой... Смотрим друг на друга. В глазах Максима разгораются бесенята. Я понимаю его без слов. Весело подмигнув, кладу в кассу гривну – почин –и наперегонки бежим к лукам. Вот уже надеты краги, напалечники, поделены стрелы – и теплый лук словно сам впрыгивает в руку. Ловлю взгляд Максима – горячо и радостно становится от огня в его глазах. И снова слушаем луки. А они начинают петь. Поют силой натяжения, звоном тетивы, шорохом стрелы... И энергия выстрела теплом и силой наполняет душу. Уже нет Киева, нет Гидропарка... Есть только лук и стрела. Вот она - радость

выстрела! Вот самое настоящее волшебство! Заканчиваю серию раньше Максима и невольно начинаю им любоваться: мальчик слился с луком, они теперь единое целое. Движения четкие, красивые... И стрелы – кривые, разнооперенные, разной длины и веса гидропарковские стрелы - прилетают точно в мишень – пусть не только в желтое, а и в красное, и в синее... Но все стрелы в мишени. И Максим тоже там – со стрелами, с луком, с мишенью... Маленький худой мальчик в не по росту большой одежде... И только огромные бездонные глаза горят сосредоточенным и восторженным огнем...

* * *

Но ничего не длится вечно... Я давно уже осторожно пыталась выпросить Максима о том откуда он, почему живет на улице... Но мальчик отказывался говорить на эту тему. Я помогала как могла – дала ему теплую одежду, кормила его... Иногда он просился переночевать в тире. Я к тому времени уже доверяла мальчику, поэтому всегда разрешала. Даже принесла из дому зимнюю куртку, чтоб ребенку не было ночью холодно. Много раз я рассказывала ему про систему помощи безпризорникам, про социальные службы, куда можно прийти переночевать, поесть, помыться. Но он упрямо отказывался туда идти – ни сам, ни со мной...

И вот настал этот страшный день... Максим пришел не с утра, а ближе к середине дня. Но в каком состоянии он пришел: с ссадиной на затылке, разбитыми в кровь ногами, порезанными ладонями... Мальчик еле шел. Но придя, он в первую очередь подошел к лукам. Провел ладонью по рукояткам, потрогал тетиву... Посмотрел на стрелы... Я стала выяснять что же произошло. Оказалось, что Максима ночью прогнали с того места, где он устроился спать и мальчик решил перебраться доспать в тир. Но по дороге наткнулся на группку пьяных. И они пристали к ребенку, стали требовать, чтоб он выполнял унижительные действия. Когда мальчик отказался, его ударили чем-то по затылку. Так сильно, что он упал. И упал руками на стекло. Перепуганный, окровавленный ребенок, не видя перед собой дороги, долго бежал куда-то, все равно куда, лишь бы

убежать от пьяниц. Только через полчаса он прекратил бегство, поняв, что никто не гонится за ним. Сев под деревом, по привычке хотел прижать к себе котенка, с которым всегда ходил, но животного не было. Максим вспомнил, что, когда он упал, котенок выскочил из рук и куда-то побежал. Пропажа друга окончательно подорвала силы мальчика. Он прижался к дереву, обнял руками голые колени, положив на них голову... И заснул... А когда проснулся, сразу пошел в тир, к своим лукам...

* * *

Я, как могла, промыла его раны, повытаскивала стекло из его ладоней. Мальчик безучастно позволял с собой возиться. И вдруг из под стола раздалось робкое «мяу». В глазах у Максима вспыхнул радостный огонек: взглянув под стол, он увидел там своего худого большеголового котенка.

Забинтованными руками он подхватил животное и прижал к себе. Так они и сидели вдвоем – мальчик и котенок. Я дала Максиму его часть завтрака, и сказала, что когда он доест, я повезу его в социальную службу, где ему помогут – ведь неизвестно насколько серьезна рана на голове – тут обязательно надо к врачу. А в социальной службе его сразу направят именно к врачу. А заодно и будет где жить в период выздоровления.

Большие глаза посмотрели на меня. И в них легко читалось: да, теперь он согласен. Теперь он пойдет со мной. Когда Максим доел, он подошел к лукам. Видно было, что руки у него болят, но меня мальчик даже слушать не стал. Он взял лук, зарядил стрелу, прицелился и выстрелил. И снова в его глазах горел огонь. Но это уже был другой огонь. Более сильный, более решительный. И зрелый. И когда Максим положил лук и сказал, что он уже готов ехать, этот огонь не погас. Волшебство и сила выстрела теперь жили в мальчике.

* * *

... В социальной службе тут же договорились с больницей, которая уже готова была принять ребенка, с приютом на Новодарницкой улице, где Максим

сможет потом жить до тех пор, пока не решат его проблему с детским домом, откуда он, оказывается, ушел. Возможно, переведут его в другой интернат.

В ожидании социального работника, который будет сопровождать его в больницу, Максим сидел в игровой комнате и смотрел телевизор. Я, пообщавшись с социальным педагогом, подошла к мальчику попрощаться. Он мне с грустью сказал:

- А меня не будет теперь проблем с котенком. Только что одна женщина, которая тут убирала, попросила его у меня для своей дочки. Я отдал его – дома котика лучше будет, чем со мной... А я буду жить в крутом приюте, который американцы делали... - потом по его лицу пробежала тень – Только как стрелять теперь не знаю... Но я что-то придумаю!

На меня опять смотрели эти бездонные глаза... Но они были совсем не такие, какими я их увидела впервые. Они были еще прекраснее, потому что теперь горели силой огня. И светились. Светились энергией выстрела.

* * *

С тех пор прошло уже больше, чем полтора года. Я больше никогда не видела Максима – через социальную службу я узнала, что его увезли в другой город. Но я никогда не забуду его глаза. Глаза, которые горят энергией выстрела. Глаза, которые смогли эту энергию, эту силу вобрать в себя, чтобы вечно согревать сердце.

Где ты теперь - Максим - мой маленький лучник с бездонными глазами?